

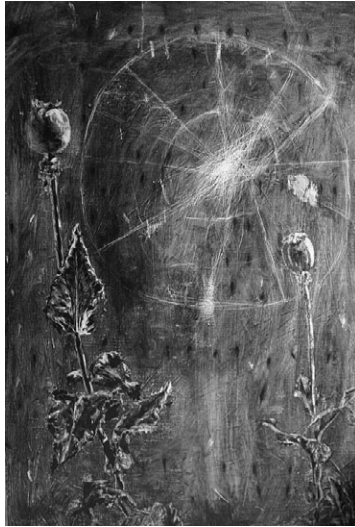
אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке
אבי אבי
הי חנאי

ПОДАРКИ ДЛЯ ВНИМАТЕЛЬНЫХ

ПАУЛЬ ЦЕЛАН

В СЛОВАХ, ОБРАЗАХ И ЗВУКАХ

Материалы к выступлениям

Gedichte, das sind auch Geschenke — Geschenke an die Aufmerksamen.

Стихи это и подарки тоже — подарки для внимательных.

(Пауль Целан, из письма к Хансу Бендеру)

Санкт-Петербург
март 2013 г.
проект “Эшколот”
www.eshkolot.ru

Пауль Целан. Переводы Анны Глазовой

Ich trink Wein aus zwei Gläsern
und zackere an
der Königszäsur
wie Jener
am Pindar,

Я пью вино из двух бокалов
и цезуру царскую
мучаю, мучаюсь
как тот
с его Пиндаром¹,

Gott gibt die Stimmgabel ab
als einer der kleinen
Gerechten,

Бог становится вилкой настройщика
как один из малых
праведников,

aus der Lostrommel fällt
unser Deut.

жребий из барабана, выпадает
наш грош.²

(Paul Celan, *Gesammelte Werke in sieben Bänden*, Band 3, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000: 108)

(Пауль Целан, *Говори и ты*, перевод Анны Глазовой, Нью-Йорк: Айлурос, 2012: 109)

Датировано 29 ноября 1969 года.

1. Имеется в виду Фридрих Гёльдерлин и его переводы из Пиндара. Целан ссылается на биографию Гёльдерлина Вильгельма Михеля, которую он в это время читал. Михель пересказывает случай, когда Гёльдерлин служил библиотекарем при дворце в Гомбурге и один из придворных отозвался о нём как о «и раньше полусумасшедшем» и добавил, что сейчас он «мучает Пиндара» («zackert am Pindar»), имея в виду переводы Гёльдерлина фрагментов из од Пиндара.

Цезура — понятие из предисловий Гёльдерлина к его собственным переводам «Царя Эдипа» и «Антигоны» Софокла. В понимании Гёльдерлина, цезура — это поворотный момент в трагедии, который разделяет действие на две (неравные) части, организуя таким образом ход событий. Как в «Антигоне», так и в «Царе Эдипе» такую цезуру образует речь прорицателя Тиресия, когда он раскрывает трагическую судьбу героев.

В черновых заметках Целан отмечает на полях своего стихотворения: «мучая Мандельштама», проводя таким образом параллель между гёльдерлиновскими переводами Пиндара и своими собственными — стихов Осипа Мандельштама.

2. «Deut» (в переводе «грош») — мелкая нидерландская монета.

Целан написал это стихотворение, вернувшись из поездки в Израиль. В письме Илане Шмуэли, с которой он встречался в Иерусалиме, он называет свою поездку «цезурой» и, приложив к письму стихотворение, обращается к Илане с неожиданной просьбой: заменить слово «Deut» каким-нибудь другим на её выбор.

Aschenglorie hinter
deinen erschüttert-verknöteten
Händen am Dreiweg.

Pontisches Einstmals: hier,
ein Tropfen,
auf
dem ertrunkenen Ruderblatt,
tief
im versteinerten Schwur,
rauscht es auf.

(Auf dem senkrechten
Atemseil, damals,
höher als oben,
zwischen zwei Schmerzknotten, während
der blanke
Tatarenmond zu uns heraufklomm,
grub ich mich in dich und in dich.)

Aschen-
glorie hinter
euch Dreiweg-
Händen.

Das vor euch, vom Osten her, Hin-
gewürfelte, furchtbar.

Niemand
zeugt für den
Zeugen.

(Paul Celan, *Gesammelte Werke in sieben
Bänden*, Band 2, Frankfurt am Main:
Suhrkamp, 2000: 72)

Глория¹ пепла позади
твоих сотрясённо-сплетённых
рук у развилки на три стороны.

Понтийское² Однажды: здесь,
капля,
на
утонувшей лопасти от весла,
глубоко
в окаменевшей присяге,
оно зашелестит.

(На отвесном
тросе дыхания, тогда,
выше, чем сверху,
между двух узлов боли, пока
белая
татарская луна карабкалась к нам,
я зарывался в тебя и в тебя.)

Глория
пепла позади
вас, на три стороны,
руки.

То, что перед вами, с востока, вы-
пало жребием, страшно.

Никто
не свидетельствует
за свидетеля.

(Пауль Целан, *Говори и ты*,
перевод Анны Глазовой,
Нью-Йорк: Айлурос, 2012: 72)

Датировано 15 января 1964 года.

1. Глория — ореол, оптическое явление, вызванное дифракцией света на облаках, когда наблюдатель, стоя, например, на вершине горы спиной к солнцу, видит свою тень на облаке в венце света. Также, gloria — древний христианский богослужебный гимн от gloria (лат.), «слава».

2. От греческого названия Чёрного моря, «Pontos Euxeinós» (Pontos = море). Стихотворение связано с воспоминанием о поездке в Мангалию на берегу Чёрного моря в 1947 году и о Лии Фингерхут, с которой Целан там встречался. В 1961 году Целан узнал, что Лия утонула (или утопилась) в Средиземном море.

Пауль Целан. Материалы к выступлению Татьяны Баскаковой

ТПРУ И НУ

(1) Тяжко-, тяжко-, тяжко-
дающееся на
словесных путях и просеках.

(2) И – ну да –
шелуха, оставленная феме-поэтами,
свистяще-шипящими, гадюшничаящими,
подлюшничаящими.
Уже-предкарканное,
покалеченными пальцами и культями, а
сверху,
далекое от писательства, одного
проступает пророка имя, как
над- и при- и псевдо-писанное, под
датой Нечеловечьего дня в сентябре:

(3) Когда же,
когда зацветут, когда,
когда зацветут они, за-ТПРУ!-цветут,
цветом-ТПРУ!-изойдут – они,
сентябрьские розы?

(4) Фью – *on tue...* Да, когда?

(5) Когда, когда-когда –
бред это Когда, Когдабред, –
брат ослепленный, брат
погашённый, ты же читаешь,
это читаешь и сочетаешь:
не-
сочетаемое: Когда
расцветет оно, это Когда,
это Куда,
это Откуда, и что,
и кто
себя от- и до- и пока- и к-себе сумеет про-
жить, звуку
оси твоей, Теллус, внимая своим
от ясно-
слышания гудящим

HUHEDIBLU

Schwer-, Schwer-, Schwer-
fälliges auf
Wortwegen und -schneisen.

Und – ja –
die Bälge der Feme-Poeten
lurchen und vespern und wispern und
vipern, episteln.
Geunktes, aus
Hand- und Fingergekröse, darüber
schriftfern eines
Propheten Name spurt, als
An- und Bei- und Afterschrift, unterm
Datum des Nimmermenschtags im
September -:

Wann,
wann blühen, wann,
wann blühen die, hühendibluh,
huhediblu, ja sie, die September-
rosen?

Hüh – *on tue...* Ja, wann?

Wann, wannwann,
Wahnwann, ja Wahn, –
Bruder
Geblendeter, Bruder
Erloschen, du liest,
dies hier, dies:
Dis-
parates -: Wann
blüht es, das Wann,
das Woher, das Wohin und was
und wer
sich aus- und an- und dahin- und zu sich
lebt, den
Achsenton, Tellus, in seinem
vor Hell-
hörigkeit schwirrenden

душевным ухом, ибо
он, звук оси этой, глубоко
внутри нашего
круглозвездного пристанища Сокрушенность?
Ведь
оно-таки вертится – по сердечной стрелке.

(6) Ох, этот звук,
этот О-звук, ах,
эти А и О,
Ох-опять-эти-виселицы, Ах-как-опять-
разрослась,

(7) на прежних
местах как опять разрослась мандрагора,
неуклюже-топорная, а все-таки
скрашивающая что-то травка,
при-травка, то есть та, что при слове,
слово-топор,
прилагательно, так и прирастают они
к телам человечьим, тени,
и тогда понимаешь, все
изначально было Против нас или –
было ошметками с праздничного стола,
не боле:
по-современному
пристойно и не нарушая закона
Живодер Ханнес приступает к своей работе,
социально- и алиби-эльфичной, что же до его
Юльхен, Юльхен:
то она, разжиревшая от такого вот-бытия,
рыгает и вырыгивает топор гильотины: –
call it (HU!) love.

(8) *Oh quand refleuriont, oh roses, vos
septembres?*

(Перевод Татьяны Баскаковой)

Seelenohr, den
Achsenton tief
im Innern unsrer
sternrunden Wohnstatt Zerknirschung?
Denn
sie bewegt sich, dennoch, im Herzsinn.

Den Ton, oh,
den Oh-Ton, ah,
das A und das O,
das Oh-diese-Galgen-schon-wieder, das
Ah-es-gedeiht,

auf den alten
Alraunenfluren gedeiht es,
als schmucklos-schmückendes Beikraut,
als Beikraut, als Beiwort, als Beilwort,

adjektivisch, so gehn
sie dem Menschen zuleibe, Schatten,
vernimmt man, war
alles Dagegen -
Feiertagsnachtisch, nicht mehr, -:

Frugal,
kontemporan und gesetzlich
geht Schinderhannes zu Werk,
sozial und alibi-elbisch, und
das Julchen, das Julchen:
daseinsfeist rülpst,
rülpst es das Fallbeil los, – call it (hott!)
love.

Oh quand refleuriront, oh roses, vos
septembres?

УЛЮЛЮЛЮ

Тяжко, тяжело, тяжело
брести
по путям и просекам слова.

М-да,
а стада инквизиторов, племя поэтов,
они тут как тут,
кто свистнет, кто квакнет, кто тьякнет.
Потроха всяких пальцев и рук,
над ними имя пророка, чуть видно,
вроде подпись, нет – надпись, нет – роспись
под датой этого дня, ну того... когда всех
в нести угнали: были и нет...
Тогда, в сентябре.

Когда,
когда зацветут, ну когда,
когда зацветут, улюлюлю, к сентябрю
Лялюлюлю, они,
сентябрьские розы?

Лю – on tue... Ну когда же?

Когда, бреду, прибреду и зацветет этот бред,
Нет, этот цвет, бредоцвет, цветобред.
Брат, брат,
Тебя ослепили,
решили: пусть сгинет,
ты, ты читаешь,
читаешь по буквам,
это, это от-
дельные буквы: когда
оно зацветет пышным цветом,
когда и куда
и кто
виноват и что делать,
и кто живет и переживет, доживет,
ось земную, Теллус,
духовным своим слухом,
чутким к любому звуку, услышишь,
ось земную, глубоко, внутри,
в нашей круглой звезде – в нашем доме,

слышится хруст. Ведь она все-таки вертится
по стрелке сердечной.

Звук, о,
О это о! А-а,
А-а-а и о-о-о
О-о-о – опять гильотины, а-а – вот оно и созрело!

На старых
лугах мандрагоры
созрело оно:
эпитет-трава,
эпитет-топор, украшающий текст,
адъ-
ектив, вот они до нас и добрались, тени,
прислушайся, тени. – Кто думал, что так оно будет?
Праздничный стол...
Вот они нас и держат за горло.

Ханс-Живодер,
человек вполне современный,
все у него по закону,
и алиби есть, хоть он вроде упырь.
Со знанием дела он приступит к работе,
и любимая Юльхен, она тут как тут,
румяна, дебела и жизнью очень довольна,
как рыгнет – так и выпадет сразу
топор палача гоп-ля-ля –
call it (hott) love.

Oh quand refleuriront, oh roses, vos septembres?

(Перевод Ларисы Найдич)

ТАТЕТУТЕ

Трудно-, трудно-, трудно-
доступное на
словодорогах и – просеках.

И – ну да –
меха Фама – поэтов
змеются и жалются и шепелятся и жмутся,
эпистолятся.

Накарканное из утора ладони и
пальцев, над ним
кладёт след имя
какого-то из пророков, как
скриптум, постскриптум, злоскриптум, под
датой дня ничеловека в сентябре:

Когда,
когда цветут, когда,
когда цветут те, даветутте,
татетуте, те, да, сентябрьские
розы?

Та – он тю... Да, когда?

Когда, коникогда,
маникогда, маньяко, да, –
брат
ослеплённый, брат
погашённый, ты читаешь,
не совсем это, не совсем:
несов-
местимое -: Когда
цветёт это, это Когда,
Откуда, Куда, и что,
и кто
из- и при- и уживается и живёт себе, за тем
осезвуком, Теллус, в его
чутким
слухом жужжащем
ухе души, за тем
осезвуком в глубине,
внутри нашего
звездокруглого жилища Сокрущённость? Затем,

что она, тем не менее, крутится по сердечной стрелке.

За тем звуком, о,
за о-звуком, а,
за А и за О, за
о, опять-эти-виселицы, за а-процветанием,

на этих древних
лугах мандрагоры процветает,
словно бы без прикрас, украшение луга,
луга, слога, украшение, ножом устрашение,
при-
лагательно, так пристают
к человеческому телу они, тени,
им внимают, всё
было против –
праздничная закуска, не более, чем, -:

Сбалансированно,
модернизированно и по закону
приступает к работе Шиндерханнес,
социально и алиби-эльбски, и
Юлечка, Юлечка:
бытием сыто рыгает,
рыгает и срыгивает нож на плаху, – call it (hott!)
love.

Oh quand refleuriront, oh roses, vos septembres?

(Перевод Анны Глазовой)

ОКНО ХИЖИНЫ

(1) Глаз, темный:
как окно хижины. Он собирает,
что было миром, миром осталось: блуждающий
Восток, тех
парящих, тех
людей-и-евреев,
тот народ-облаков, магнетически
притягивает все это, пальцами сердца, к тебе,
Земля:
ты приходишь, приходишь,
жить будем мы, жить, что-то

(2) – чье-то дыхание? имя ли? –

(3) кружит в Осиротелом,
танцующе, неуклюже,
ангела
маховое перо, тяжелое от Незримого, на
до раны стертой стопе, головой
вниз сбалансированное
черным градом, который
падал и там, в Витебске,

(4) – и те, кто его сеял, они
списывали того прочь
миметической бронированной
когтистой лапой! –

(5) ходит, ходит кругами,
ищет,
ищет внизу,
ищет вверху, далеко, ищет
глазом, забирает
Альфу Кентавра сюда вниз, Арктур,
забирает еще тот луч, из могил,

(6) идет к гетто и Эдему, собирает,
как букет, созвездие, в котором он,
человек, нуждается, чтобы жить, здесь,
среди людей,

HÜTTENFENSTER

Das Aug, dunkel:
als Hüttenfenster. Es sammelt,
was Welt war, Welt bleibt: den Wander-
Osten, die
Schwebenden, die
Menschen-und-Juden,
das Volk-vom-Gewölk, magnetisch
ziehts, mit Herzfingern, an
dir, Erde:
du kommst, du kommst,
wohnen werden wir, wohnen, etwas

– ein Atem? ein Name? –

geht im Verwaisten umher,
tänzerisch, klobig,
die Engels-
Schwinge, schwer von Unsichtbarem, am
wundgeschundenen Fuß, kopf-
lastig getrimmt
vom Schwarzhagel, der
auch dort fiel, in Witebsk,

– und sie, die ihn säten, sie
schreiben ihn weg
mit mimetischer
Panzerfaustklaue! –,

geht, geht umher,
sucht,
sucht unten,
sucht droben, fern, sucht
mit dem Auge, holt
Alpha Centauri herunter, Arktur, holt
den Strahl hinzu, aus den Gräbern,

geht zu Ghetto und Eden, pflückt
das Sternbild zusammen, das er,
der Mensch, zum Wohnen braucht, hier,
unter Menschen,

(7) обходит
буквы и букв смертно-
бессмертную душу,
идет к Алефу и Йуду и идет дальше,

Schreitet
die Buchstaben ab und der Buchstaben
sterblich-unsterbliche Seele,
geht zu Aleph und Jud und geht weiter,

(8) строит его, Давидов щит, дает ему
вспыхнуть, однажды,

baut ihn, den Davidsschild, läßt ihn
aufflammen, einmal,

(9) дает ему погаснуть – там стоит он,
невидим, стоит
возле Альфы и Алефа, возле Йуда,
возле других, возле
всех: в
тебе,

läßt ihn erlöschen – da steht er,
unsichtbar, steht
bei Alpha und Aleph, bei Jud,
bei den andern, bei
allen: in
dir,

Бет – это есть дом, где стол стоит со

Beth, – das ist das Haus, wo der Tisch steht mit

(10) светом и светом.

dem Licht und dem Licht.

(Перевод Татьяны Баскаковой)

ОКНО ХИЖИНЫ

Око, темное,
как окно хижины. Оно вбирает
мир, что был, и мир, что пребывает,
бродяжий
Восток, тех
витающих, то
человеческое-и-еврейское,
род-облачных-высот, оно притягивает
магнетически, пальцами сердца, к тебе,
земля:
грядешь ты, грядешь,
мы заживем здесь, заживем, что-то

– дыхание, имя ли? –

кружит в осиротелом,
танцующе, угловато,
крыло

ПОДАРКИ ДЛЯ ВНИМАТЕЛЬНЫХ

ангела, под бременем незримого, возле сбитой
в кровь стопы, крен головы
уравновешен
черным градом, он
падал и там, в Витебске,

– и они, что этот град сеяли, они
теперь исчеркивают его
миметическим когтем Фауст-патрона! –

что-то кружит, кружится,
ищет,
ищет внизу,
ищет вверху, вдали, ищет
оком, низводит
Альфу Центавра, Арктур к земле, наводит
на них луч из могил,
подступает к гетто, к Эдему, срывает
разом созвездие, которое ему,
человеку, нужно, чтобы жить, здесь,
среди людей,

проходит
буквы, смертно-бессмертную душу их,
движется к алефу и йуду
и движется дальше,

строит его, Давидов щит, велит ему
вспыхнуть однажды,

велит ему погаснуть – он тут высится,
высится незрим
близ альфы и алефа, близ йуда,
близ других,
близ всех:
в тебе,

бет – это Дом,
где стоит стол,

где тот светоч и этот.

(Перевод Марка Белорусца)

ОКНО ХИЖИНЫ

Глаз, тёмный:
как окно хижины. Он собирает то,
чем был мир, что мир есть: востоко-
исход, над землёй
вспаривших,
людей-и-евреев,
народ-в-облаках, он словно магнитом
тянет сердечными пальцами на себя
тебя, Земля:
ты идёшь, ты идёшь,
мы поселимся, мы, что-то

– дыхание? имя? –

ходит кругом, в этом сиротстве,
танцую, нескладно,
это ангела
оперенье, отяжелённое невидимым грузом, у самой
живодраной ступни, гружёное
в головах
чёрным градом, который
шёл там тоже, в Витебске,

– а те, кто его сеял, они
чертят его долой
миметической лапой фауст-патрона! –,

ходит, ходит кругом,
ищет,
ищет внизу,
ищет вверху, далеко, ищет
глазом, снимает
Альфу Центавра на землю, Арктур, снимает
заодно уж и луч, из могил,
вхоже в гетто и эдем, собирает
букет для созвездия, которое
для жилья человеку сгодится, здесь,
среди людей,

отмеряет
шагами буквы и букв смертно-
бессмертную душу,
ходит к Алеф и Йуд и идёт дальше,

строит его, знак Давида, даёт ему
возгореться, однажды,

даёт ему потухнуть – вот стоит он,
невидим, стоит
рядом с Альфа и Алеф, с Йуд,
и с другими, со
всеми: в тебе,
Бет, – это
дом, где накрыт стол

светом и светом.

(Перевод Анны Глазовой)

Материалы к исполнению произведения Б. Филановского *Doppelgedicht*

Пауль Целан

Die beiden Türen der Welt
Stehen offen:
geöffnet von dir
in der Zwiernacht
Wir hören sie schlagen und schlagen
und tragen das ungewisse,
und tragen das Grün in dein Immer.

Es ist ein Land Verloren
da wächst ein Mond dim Reid,
und das mit uns erfroren,
es glüht umher und sieht.

Es sieht, denn es hat Augen,
Die helle Erden sind.
Die Nacht, die Nacht, die Laugen.
Es sieht, das Augenkind.

Es sieht, es sieht, wir sehen,
ich sehe dich, du siehst.
Das Eis wird aufenstehen,
Eh sich die Stunde schließt.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

אשכולות
КУЛЬТУРНО-РАЗВИВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

